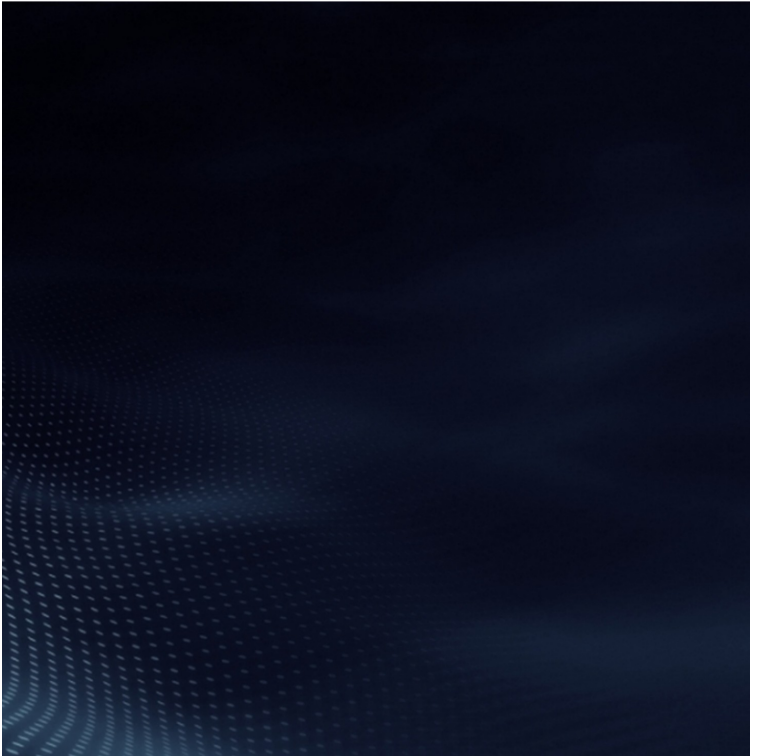

Мансуров Андрей

Кость со стола

Социально-приключенческая
фантастика

Андрей Арсланович Мансуров

Кость со стола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26104022

Аннотация

Эта книга о любви и ненависти. О чести и подлости. О мужестве и предательстве. О бескорыстной преданности Долгу и беспринципной алчности. О порядочности и о коварстве. Эта книга о людях. И то, что эти люди посланы на разведку очередной потенциально пригодной для колонизации планеты, как и то, что они живут в двадцать девятом веке, ничего в их человеческой сути не меняет.

Мансуров Андрей.

Кость со стола.

– Ну, повезло тебе, старина Джонни! – здоровенный тычок кулаком в бок от оскалившегося в якобы приветливой улыбочке сержанта Элвиса Трибунстона, так же, как и увесистые, и похожие скорее на тумачи, похлопывания по спине и рёбрам от коллег по взводу, и кривые и натянутые улыбочки, больше похожие на оскалы, Джон Риглон воспринял спокойно. Нормальная реакция со стороны «друзей».

Зависть.

Он знал, разумеется, что ему завидуют. И недоумевают: ну как же! Коренастый парень, хоть и жилистый, но без особых физических кондиций и далеко идущих амбиций, всего-то – второй год в их взводе, и в подразделении Первичного Освоения. Новичок. А уже удостоился такой чести: быть первопроходчиком на новой планете!

Он буквально спиной чувал косые взгляды, и откровенную, мягко говоря, недоброжелательность. Разумеется, многие из старослужащих за эти два часа, с момента, когда его непосредственному начальству, командиру их взвода лейтенанту Соломону Фэйси, сообщили что Джон назначен в операторы первого дрона-аватара, а тот, разумеется, передал эту информацию и соответствующие распоряжения вниз, успели пошутиться да позлословить: типа, не иначе, как, мол,

этот гад – вполне себе на уме! И под старичков-ветеранов копает. Тонко и дипломатично. Знал ведь наверняка, что назначен.

Потому что такие вещи никогда с кандачка не делают: дрон – сложная штука, изготавливается строго индивидуально. Да и на выращивание в автоклаве уходит минимум неделя. То есть, салага умело притворялся, что якобы не в курсе, и удивлён назначением. А на самом деле – отлично знал. Гад.

Джон о назначении не знал.

И, если честно, не представлял, что могло помешать руководству как соответствующих лабораторий, так и его непосредственному флотскому начальству сообщить о предстоящей Миссии, или Миссиях, своевременно. То есть – заранее. А так – будто пыльным мешком по голове! Но он старался свои эмоции никак не проявлять.

Раньше надо было всего «этого» бояться.

Когда поступал в учебку.

Конечно, старослужащие, мечтающие о солидной премии, которую выплачивают за каждую такую Миссию, злятся и завидуют. Ведь успешно проведённая разведка может помочь и с присвоением внеочередного звания. . . Большая зарплата!

Джон про таких людей думал, что их можно только жалеть. Ведь виновата вовсе не лень, или дефицит рвения. Или недостаточно накачанные в качалке мускулы.

А – показатели. Психофизиологические.

А они напрямую зависят от наследственности. Инстинк-

тов. И сообразительности. (Слоган «Лишь Ай Кью свой накачаю – в миг в разведку попадаю!» до сих пор вполне актуален. Поскольку сулит осуществившему – деньги!!! Только вот реально поумнеть... Вот именно – три «ха-ха».)

И сейчас все «старички» наверняка думают, что то, у него необычайно высокие показатели, это... Подтасовка! Которую за взятку какой-нибудь хитро...опый системный техник-программист ввёл в компьютер медицинского Архива. А руководитель лаборатории «вселения» купился, решив попробовать молодого, и, значит, как это говорится, «незашоренного» нудной муштрой и воинской бытовухой «перспективного» оператора...

– Не забудь проставиться, когда найдёшь там туземочек! А когда воткнёшь им то, чего там имеется у дрона, туда, куда там найдётся у местных девок – не забывай про презики! А то придётся ещё платить алименты! Гы-гы!

– Обязательно, сержант, сэр! – одев подходящую случаю скромно-приветливую улыбку, и автоматически отвечая на лицемерные поздравления и пошлые шуточки, Джон на самом деле думал не о канонизированных до положения неофициальных правил «напутствиях» и подколках, принятых в их подразделении. А о предстоящей работе. Потому что быть первопроходцем на очередной планете земного типа – вовсе не то, что, скажем, участвовать в параде на День Независимости. Пусть и на площади перед Капитолием.

Это – нудная, кропотливая, а зачастую и изнуряюще-тяж-

кая работа.

Пусть и не столь опасная, как если бы ты выполнял её лично. Зато – реально утомительная и чертовски ответственная! Не дай Бог (Тьфу-тьфу!) чего-то опасного пропустить. Или проигнорировать признаки пусть даже только намечающейся проблемы!

Могут погибнуть люди. Колонисты. Которые придут на планету после него.

А первый вопрос, который задаст Комиссия по расследованию, будет, разумеется: «Кто проводил углублённое обследование? Квалификация? Нарекания?» И т. д.

А проводил (Вернее – только будет!) «углублённое» обследование – он.

Джонни-бой.

Ф-ф-у-у-у...

Поэтому когда его вызвал к себе в кабинет лейтенант Солломон Фэйси, командир их, первого, взвода первой роты, Джон почувствовал внизу живота что-то вроде спазма: именно чего-то такого он всю последнюю неделю как-то подспудно и чуял. Но, если честно – всё же не ждал именно *этого*.

И сейчас, выслушав стандартное поздравление, наставление, пожелания и сообщение о том, что «поступает в полное распоряжение доктора Орландо Гарибэя», руководителя отдела, как его все кратко именовали, «вселения», он все эти два часа испытывал всё что угодно, только не радость. И не гордость.

Как и все, кто пять лет отрубил в учебке, Джон, разумеется, пересмотрел – правильной всё же сказать – переощущал! – почти все бортовые записи таких «пионерских» визитов-обследований, и даже запомнил, на какие обстоятельства, признаки и неожиданности – как реагировать.

Однако одно дело – архивный симулятор... И совсем другое – реальный спуск на «Терра Нова». То есть – Землю Новооткрытую.

Да ведь и не включишь в Каталог всех возможных опасностей и проблем: у каждой Новы всегда найдётся что-то своё, оригинальное! Вон: у Паллады-3 – прыгающие грибы, выпускающие в воздух облако ядовитых спор в период созревания. (Кто-то метко сравнил их с минами-лягушками.) У Весты-4 – ядовитый болотный газ. Но выделяется он – только когда наступишь на ничем, вроде, от соседних не отличающуюся кочку!.. На Сандре-2 – никакими инсектицидами не истребляемые злющие москиты, с кучей жутко опасных для жизни, и чертовски трудно излечимых болезней «на борту» носителя, получающихся из бацилл-микробов в местных болотах и водоёмах!

На Юлии – карадрахи, будь они неладны...

Да мало ли!..

Вот и получается, что несмотря на изученные анналы и прецеденты – всё равно...

Поход, так сказать, в неизведанное.

И пусть планету уже вдоль и поперёк излазали робо-

ты-вездеходы геологов, и излетали разведочные дроны: климатологов, биологов, химиков, и других подразделений Первичного Освоения, но...

Одно дело – специализированные автоматы и механизмы. Нечувствительные к капризам климата, и бациллам с вирусами, и бурящие разведочные скважины на нефть, или пробующие почву на толщину слоя чернозёма, и воздух – на присутствие органических и неорганических ядов и отравляющих веществ.

И совсем другое – человекообразный биокиборг, в теле которого он и будет производить «углубленную» разведку. Чтоб уж окончательно убедиться в безопасности поверхности для *живых* существ. Из плоти и крови. Для людей-колонилистов, стало быть.

Потому что с орбиты, управляя дронами-механизмами с помощью мыслешлемов, распахивать поля под зерновые, или бурить и долбить недра для извлечения минеральных соков – занятие неблагодарное. Чтоб не сказать – глупое.

И – очень дорогое.

Вот этот-то аргумент и является обычно решающим при принятии решения по новооткрытой планете. Представители крупнейших Компаний по добыче и освоению собираются на Умные Сопрошения с представителями Правительства, Флота, и Колониальной Администрации. И высказывают. Своё (Вернее – экспертов-экономистов!) мнение о востребованности и перспективах добычи этих самых ресурсов.

Насколько это рентабельно и целесообразно. Экономически выгодно. Сейчас.

Эксперты уже из Правительства дают своё заключение. И затем Важные Чиновники из Специализированной Комиссии при том же Правительстве, про которую все знают, что она – фактически просто на содержании у крупнейших добывающих Корпораций, решают: начинать ли промышленное освоение немедленно. Или чуть позже – когда вырастут цены на это самое сырьё, зерно, овощи, или что там выгодней всего добывать, или выращивать на Новой. Или...

Отметить в Каталогах, что освоение пока слишком уж нецелесообразно. С экономической точки зрения. И оставить планету до тех, лучших, совсем отдалённых, поистине критических для экономики Содружества, времён, когда это самое освоение наконец станет.

Экономически целесообразным.

Наконец, случилось и так, что планета уже оказывалась занята.

Цивилизацией существ гуманоидного типа. Или хотя бы приближающихся к этому типу. С таких земные разведчики сразу уносили ноги. Стараясь даже не высаживаться на поверхность, и все обследования проводить с орбиты.

Правда, «занятых» планет Джон знал немного – три, если он ничего не путает. И тех существ, что их населяли, и пока напоминали питекантропов, или просто – прямоходящих обезьян, даже он постыдился бы назвать «родственными».

Но – Закон есть Закон!

Но гораздо, гораздо чаще встречались планеты – просто с абсолютно неподходящими условиями на поверхности: первичная, зачаточная атмосфера из метана и аммиака, катастрофические и систематические ураганы со скоростью ветра до трёхсот миль в час, буквально сдувающие с поверхности горы, холмы и всё, что можно снести и сдуть, жара выше девяноста Цельсия даже в приполюсовых районах... Да мало ли!

Такие планеты просто отмечали в каталогах, и оставляли до «лучших времён».

Но Джон заморочился, и даже «посетил» на симуляторе несколько и таких: у парочки что-то там такое было в атмосфере, постоянно выделяющееся из недр, через вулканы и гейзеры, чего оказалось невозможно уничтожить никакими конвертерами-преобразователями, и от чего не спасали респираторы – жутко токсичные яды, по свойствам близкие к боевым отравляющим веществам.

Одна располагалась слишком близко к светилу, и на поверхности имелось плюс восемьдесят шесть. Между собой космодесантники, да и учёные, называли её «духовкой». И жить там, в-принципе, было бы возможно – если б не почти стопроцентная влажность: именно она делала жару непереносимой.

А у ещё трёх слишком уж велик оказался гравитационный индекс: людей просто превратило бы в разлитые по креслам

водителей техники кляксы, не говоря уж о том, чтоб банально – просто ходить. Ногами.

Наконец ещё одна – Лизандра 2/ЩД – оказалась слишком молода. Подвижки полужидких платформ не позволяли построить постоянной базы или поселений: едва застывшая кора тут же снова раскалывалась, грозя утопить и поджарить всё, что имелось на поверхности, в огненно-жидкой лаве – в недрах трещин шириной в километр!

И вот сейчас перед ними, то есть, перед подразделением Первичного Освоения – восемьдесят девятая потенциально подходящая (По предварительным разведанным поискового отряда!) для непосредственной колонизации и вселения людей, планета.

С отличным (вроде!) климатом. И кислородной атмосферой.

Франческа.

Так её назвали по требованию пилота-первооткрывателя, Рикардо Менальи.

А что: каждый, первым что-то нашедший, или открывший, имеет полное право увековечить своё имя. Или – имя Любимой. Или, как в случае с Рикардо – матери!

Джон знал, конечно, всё, что уже собрали, добыли и вычислили об атмосфере, поверхности, и недрах Франчески автоматы, безопасно. Отличные параметры. Кислорода даже больше, чем на матушке-Земле: двадцать два с половиной. В местных сутках двадцать пять часов. Один спутник, разме-

ром чуть меньше Луны. Океаны покрывают, правда, четыре пятых поверхности – почти как на старушке Земле. Среднесуточная температура: на экваторе – плюс шестнадцать, на полюсах – минус один. Такая незначительная разница связана, как объяснял док Эсьоса Дезалу, их главный климатолог, с тем, что ось планеты наклонена к плоскости обращения всего на восемь градусов: поэтому и климат мягче, и полярных льдов почти нет. Настоящий тропический рай до пятидесятих широт.

Неплохо вроде, мать её: осваивай – не хочу...

Но почему же так скребут на душе какие-то дикие кошки, заставляя сердце колотиться чаще, и пальцы – то сжиматься, то разжиматься?! Чего «этакого» чует *там* его обострившееся за годы «тяжёлого» детства, и вечных «разборок» и борьбы за лидерство в учебке, чутьё?! Подвоха? Хм-м. Возможно. Но...

Но всё равно: пока непосредственно с *этим самым* не столкнёшься – не узнаешь, что это. Нависало. Поджидало. «Коварно» затаившись в девственной неизвестности.

Но чем быстрее он столкнётся – тем быстрее и узнает. Значит, вперёд.

В отсеке «дистанционного управления разведочными аватарами», как официально называлась лаборатория доктора Гарибэя, всё было как всегда: чисто до стерильности, ослепительно светло от мощных ламп на потолке и белых стен,

и тихо. И малоллюдно.

Да и правильно: в полную силу персонал и оборудование будут задействованы только когда начнётся детальное обследование силами подразделения всех континентов и климатических зон. А это случится только если он, то есть, Джонни-бой, докажет, что непосредственной опасности для достаточно дорогих дронов, а затем и, если верить тому, что пишут рекламные брошюры Флота, «бесценных» жизней людей – нет.

Всё, как обозначено в важных Формулярах и Постановлениях, должно быть максимально эффективно. То есть – дешево. Логично, конечно, начинать разведку – во-первых, с самых потенциально перспективных регионов, а во-вторых – силами одного-двух-трёх дронов-аватаров.

А ну как выяснится, что там, внизу, имеется, как любит выражаться док Максимилиан Ваншайс, их главный биолог, «несовместимая с жизнью человека местная биота»?! То есть, попросту говоря – опасные звери, насекомые, растения, грибы. И всё остальное в том же роде. Или – пока невыявленные природные факторы, вроде гипералергенной пыли или пыльцы. Или... Вот именно – мало ли!

В таких случаях посылать на верную «смерть» подразделения из десятков аватаров и смысла нет! Потому что дальнейшая предусмотренная Инструкцией разведка, уже всеми силами подразделения, только убьёт все эти дроны. И ничего, кроме дополнительного подтверждения смертельной

опасности для людей руководство Флота не получит... Зато это самое руководство с гарантией получит придирки со стороны бюрократов-бухгалтеров: «а кто распорядился произвести, и столь непродуктивно использовать столь большое число столь дорогих аватаров? И почему не придерживались стандартной процедуры? А вычтем-ка мы стоимость дронов, списанных по причине непредвиденной смерти, из его казённой зарплаты!»

На такое не согласится ни один командир Подразделения Освоения. Да и вообще – никто.

Настоящий бюрократ, да ещё с приходно-расходной ведомостью в руке – самый страшный враг всего мыслящего. Да и просто – живого!..

Вот и получается, что сейчас всё зависит только от первого разведчика. И если внизу действительно опасно, автоклавы доктора Даррена Хилла, начальника «родильной», так и не заработают в полную силу.

А время Джона и его сменщиков – не поджимает. Сроки «рационального» проведения первичной разведки определяет на месте и исходя из прецедентов, то есть, результатов как раз первых вылазок, Штаб крейсера. На своё усмотрение.

Так что придётся Джону отдуваться пока в гордом одиночестве. И надо уж поднапрячься: постараться оправдать «оказанное ему высокое доверие»!

Док Орландо Гарибэй, вышедший на его покашливание из

своего кабинета, дверь в который как обычно была открыта, лучезарно улыбался. Он радостно, но немного нервно, пожал его руку, а затем вновь начал потирать уже свои изящные руки с тонкими и, как знал по опыту Джон, умелыми гибкими пальцами. Говорил док немного частя, словно бы нервничал ещё больше Джона. Хотя Джон знал: у доктора это – третья Нова:

– Ага! Вот и наш «доброволец»! Что, простудились на радостях? Или вчера перебрали с мороженым? Или поперхнулись слюной, вылезая из банки? Ха-ха!.. – док, если честно, тоже достал своим любимым бородатым анекдотом, про то, как сержант собирается удить рыбу, и орёт на банку с червями: «Нужен один доброволец! Два шага вперёд!»

Но Джон всё равно усмехнулся: лучше хоть какая-то шутка, чем никакой. Он заставил напрягшееся по непонятной для него самого причине тело чуть расслабиться:

– Здравия желаю, доктор, сэр. Рядовой Джон Риглон прибыл в ваше распоряжение.

– Отлично. Ну, проходите, проходите, рядовой. Вон туда, в ординаторскую. Раздевайтесь. Посмотрим на вас, так сказать, непредвзято.

– Слушаю, сэр. Есть раздеваться. – всё-таки осознание того, что он здесь впервые заставило уточнить, – Полностью?

– Да, полностью! – док хитро прищурился из-под старомодных очков в тонкой стальной оправе, – Оставить разрешаю только пломбы и протезы, если они есть. Хе-хе.

– Да, сэр. – Джон подумал, что пломб, слава Богу, у него ещё нет, а вот вставные зубы вместо выбитых в драках, да протезы... Вместо левой берцовой действительно стоит титано-карбонный заменитель. И ключица усилена хомутом-накладкой из молибденового сплава. Спасибо «горячо любимым» разборкам среди курсантов, и симулятору-тренажёру в учебке. Согласно Устава, условия, «максимально приближенные к боевым!»

Одежду он устроил так, как у себя в подразделении: аккуратно повесил в шкафчик, один в один похожий на личный шкаф каждого бойца там, в казармах. Вышел назад в коридор, прошлёпал голыми подошвами до двери с надписью «Ординаторская».

Доктор проводил осмотр лично, иногда задавая глупые вопросы, вроде: «Щекотки не боитесь? А диабетом в семье никто не болел? А почему у вас зубы так странно блестят – «Воррексом», что ли, чистите?»

После этого его направили уже в операторскую. Пока – малую. Ну правильно: большая, с десятком кресел, для целого отделения, будет ожидать вердикта начальства: есть ли смысл проводить обследование в полном масштабе!

Внутри уже ждали. Док, плотоядно облизываясь, (ну, во всяком случае, именно так это выглядело) зашёл сразу за Джоном. Оба его помощника-лаборанта, тоже в накрахмаленных до похрустывания белых халатах (Ну – так! Попробуй тут отстань от стиля Босса!) улыбались казённо-привет-

ливо. А на самом деле – равнодушно. Для них его «облачение» – просто работа. Привычная и вполне... Будничная.

– Ну-с, Джонни-бой, (Пардон! Рядовой Риглон!) – сарказма в голосе не уловила бы только сложная конструкция из трёх могущих вращаться независимо друг от друга толстенных, и напичканных сложной аппаратурой обручей подвески, – сейчас посмотрим, соответствуют ли ваши прописанные в медицинской карте чертовски высокие показатели «сенситивности, и адаптивности к экстремальным и непредсказуемым условиям» – действительности! Прошу!

Джон, сопя вслух, и матерясь, (про себя) забрался на платформу в нижней части меньшего обруча. Вставил ступни в держак. Руки просунул в скелетообразные тяги управления дроном-аватаром.

Думал он о том, что, возможно, и не стоило так завзято и «адаптивно» действовать на давешних симуляторах и Полигонах. Может, нужно было вкладывать поменьше фанатизма и злого азарта в свою «работу» на симуляторах. Тогда бы и посиживал сейчас в курилке. Или, полёживая на мягком лужке, грыз бы зелёную натуральную травинку – в оранжерее. Или даже потягивал штангу в спортзале. Или на симуляторе (Бесплатно, но женщина-эрзац!) или уж в борделе (Женщина натуральная, но стоит такое удовольствие – ничего себе...) «обрабатывал» «свою», привычную, или новую, цыпочку...

Да мало ли способов весело убить время на крейсере «Ав-

раам Линкольн»!

Но вот такой у него дебильный характер. Не может он «работать» вполсилы. А азарт, похоже, достался в наследство от отца.

Которого он, впрочем, никогда не видел, и даже не знал.

Мать, когда он пытался выспрашивать, начинала подводить глаза к потолку, или опускать к полу, и бормотать что-то насчёт секретного сотрудника какой-то там сверхважной Правительственной Организации... Достаточно скоро Джон понял, что больше не хочет слушать эти, не то – сказки, не то – бредни.

Ну, «гульнула» разок его родительница – так и Бог с ней. Зато он появился на свет...

Он терпеливо ждал, пока лаборанты, тихо переругиваясь по делу, и просто матерясь шёпотом уже просто так, одевают на него обвес наподобии парашютного. И присоединяют датчики и сенсоры управления на тело, закрепляя полосами резины: чтоб не отпали при любом характере движений и положений тела.

Но вот всё готово, и на голову, полностью закрыв поле зрения, опустил мыслешлем. Пневматика обивки мягко сделала «Пф-ф-фт!» и облегла череп, подстраиваясь под размер. Ремень под подбородком затянули:

– Не беспокоит, рядовой?

– Нет.

– Отлично. Приготовьтесь. Пять, четыре...

Пошёл отсчёт.

Он зябко поёжился: сейчас вылезут нанотрубки. И вонзятся в его выбритый почти наголо череп. Ощущения, конечно, неприятные, но... Он должен бы уже привыкнуть – в курс обучения входило не менее двадцати предварительных, и ста – «полных» подключений. И, разумеется, регулярные ежеквартальные контрольные проверки – уже тут. На борту. Чтоб, стало быть, не утратить навыков и сноровки. Там-то он и имел глупость...

Проявить свои «способности», мать их!..

А то – работал бы Клаус Шипперс. Капрал. Буквально готовый носом землю рыть, и лизать начальственные задницы, только бы поскорее получить очередную премию. И лычку. Дающую большую зарплату. И, соответственно, пенсию. До которой капралу всего-то – семь лет. Но вот что оказалось неподходящим у капрала – так это «адаптивность». Тесты упорно показывали, что он – консерватор, и как бы ни сложились внешние обстоятельства, и какими бы ни оказались условия, систематически действует исключительно «согласно Устава!» А это не всегда...

А точнее – почти никогда не помогает разведчику – именно Новы.

В шлеме заскрипело и запищало: трубки пошли. Ощущать, как их острые и холодные кончики вгрызаются в кожу, а затем и в череп – неприятно. Но – только первые десять секунд. Они же сейчас – «улучшены»! И шлемы модифици-

рованы. И вовсе не из гуманности, как все «пользователи» отлично понимают. А для ускорения реакции и повышения скорости обработки информации. Словом, чтоб операторам, готовящимся сейчас принять руководство над его миссией, и персоналу Диспетчерской, где, «предвкушая», или нервно потирая тонкие нервные руки, собралось уже наверняка всё начальство научных отделов, да и дежурному Флотскому руководству – было лучше видно всё, что он увидит глазами дрона. И выдать соответствующие рекомендации.

Которые он вправе, (Вот уж – А-ли-лу-ия!) если посчитает нужным, и проигнорировать. Поскольку считается, что самому разведчику, на месте – виднее!

Хотя сейчас это соображение утешает слабо.

В мозгу засвербило – словно в ноздре, когда туда засовывают, например, пёрышко. (Случались у них в Учебке и такие ночные «приколы»!) Впрочем, это ощущение быстро прошло, и вот уже он, всё ещё ощущая, что настоящее тело висит где-то в недрах лаборатории, вселился в тело дрона-аватара. Правильней, конечно, было называть это создание – просто аватаром, но он привык именно к дрону.

Зрение словно галопом пробежало по чему-то вроде радужного тоннеля, затем всё вокруг взорвалось шикарным фейерверком цветных искр – словно салют на День Независимости! – и вот он снова видит.

Вот его руки – он вытянул их перед собой. Сильные, мускулистые. Чертовски, если можно так сказать, похожие на

настоящие. Вот ноги: подобно могучим колоннам они сейчас опираются в подножку противоперегрузочного кресла там, на посадочном модуле. Задница упирается в наполненный гелем мешок: прокладка между ней, драгоценной и любимой, и парашютом. (Дай-то Бог – не понадобится!) Плечи, живот и таз – в противоперегрузочных ремнях. Грудь. Лицо. Spина. Всё в порядке. Всё – своё! Ну, или ощущается таковым. (Ещё бы! Мозги-то копировали именно с «оригинала». То есть – с него.)

Собственно, так и должно быть: чёртовы умники в белых халатах однозначно доказали, что только похожим на обычное, человеческое, тело, и вдобавок только с мозгом, близким к своему, вселяемый оператор может адекватно и эффективно управлять!

Что сейчас и предстоит делать Джонни.

И делать – целую рабочую смену. То есть – шесть стандартных часов.

Посадка прошла штатно: перегрузки, совсем как на тренажёрах, мерзкая тряска и болтанка – уже в атмосфере. Рёв тормозных дюз, и удар о поверхность. Тоже несильный: как на симуляторе.

А вот дальше – уже начинается. Хотя бы для разнообразия – дыхание местным воздухом. Кстати: если выяснится-таки, что в воздухе что-то болезнетворное или ядовитое присутствует, чего не обнаружили автоматы, то нужно тоже... Свое-

временно «отреагировать».

То есть – успеть рассказать о своих «неприятных» или «необычных» ощущениях до того, как он введёт себе антидот, или уж дрон упадёт без сознания!

– Внимание, рядовой Риглон! – ну, началось! Вот уж повезло так повезло. Начальником смены дежурной бригады операторов в Диспетчерской сегодня сам майор Гонсалвиш, заместитель Главного – полковника! Мужик, вроде, неплохой. Но очень уж дотошный. И педантичный. – Проверить состояние конечностей.

– Есть, сэр. – Джонни-бой закрутил кистями, и зашевелил ногами, чувствуя, что всё с ними и правда – в порядке. Он знал, что в этот момент на стенах операторской и главной Диспетчерской, занимавшей огромный зал в самых недрах «Авраама Линкольна», оживают движением и графиками сотни контрольных мониторов и экранов с выводимой на них текущей с его «борта» инфой: где зачесалось, а где – занемело, потому что отлежал за сорок минут спуска с орбиты. Где натёрло. А где – и вспотело.

Тело дрона – не только внешне, а и по моторике – точная копия человеческого.

Хотя и сделано (Вернее, выращено в автоклаве!) на базе клеток самой обычной свиньи. (Но вот мозг... Мозг модифицирован именно под его психоматрицу: чтоб эффективней... И т.д.) Ну и правильно: даже без воплей чёртовых гуманистов и поборников защиты Прав Человека использо-

вать клетки человека просто запретило Правительство. И его нетрудно понять. Зачем нарываться, рискуя потерять голоса избирателей, совсем уж проникнувшись идеей сохранения генофонда, если все параметры «свинского» дрона, включая скорость реакции, выносливость, силу, и даже температуру тела, да и вообще, буквально всё остальное – в точности как у Хомо Сапиенса!

Разумеется, в их подразделении в Учебке, да и здесь, на Крейсере, много и неоригинально шутили по этому поводу. Что не мешало телу из клеток «Скрофа доместикус», или, проще говоря, свиньи домашней, отлично действовать. И обозначать, выявляя со стопроцентной гарантией, имеющиеся для человека опасности и проблемы!

– Всё в порядке, господин майор, сэр. Моторика в норме. Разрешите приступить?

В ушах посопели. Похоже, майор не обрадован тем, что его узнали, и не удалось сделать «сюрприз». Но голос начальника смены оказался спокоен. И дикция у майора – вот уж этого не отнять! – всегда на уровне, такую не у каждого диктора услышишь:

– Приступайте.

Джон не смог бы сказать точно, как он относится к майору. Вроде тот и не придирается никогда по мелочам, не выделяет «любимчиков» или «поганых овец», не орёт благим матом на провинившихся... Служака как служака. Правда, требующий нерушимого соблюдения Инструкций и Проце-

дур. Но вот не лежала у Джонни-боя душа к «святому» соблюдению правил, вписанных навечно в Великие Регламентирующие Бумажки.

Потому что почти никогда не удавалось осуществить на Новой – «стандартную процедуру». Всегда всплывало что-то новенькое, и приходилось жертвовать двумя-тремя, а то и полудюжиной дронов, чтоб можно было... Вписать в Инструкции новые пункты!

Так что майора Джон считал ретроградом и консервативом.

Да и ладно – не детей же с ним крестить!

На то, чтоб отстегнуть все ремни, и вылезти из противоперегрузочного кокона, и парашюта, ушло ровно столько времени, сколько полагалось по инструкции: пятьдесят девять секунд. Майор, если и был недоволен неторопливостью действий оператора дрона, вслух ничего не сказал. Джон и так отлично знал, чем майор и остальная смена из двадцати шести человек занимается: смотрит на линии, вычерчиваемые на контрольных (Старинных! Бумажных! Чтоб невозможно было подделать или как-то изменить. И служащих примерно для тех же целей, что и чёрный ящик на борту самолёта или звездолёта.) полосах кончиками игл с чернилами: энцефалографа, термометра, барографа, и прочих приборов, отражающих частоту пульса и дыхания, состав выдыхаемого воздуха, температуру, влажность вспотевших ладоней, и прочего такого – всего двадцать девять параметров его состояния.

Вернее – состояния тела дрона-аватара.

Самой дорогой и сложной компоненты предстоящей разведки. Выращенной только с одной целью: принять на себя первый удар!

А случись непредвиденное – так и умереть. Вместо человека.

И поэтому Джон даже как-то жалел своё новое тело. Бедолага. Уж он постарается побережь это тело. (Впрочем, долго беречь так и так не удастся. Через пару месяцев тело в любом случае приходит «в негодность». Побочные эффекты быстрого «выращивания»!)

Стандартное обмундирование Джон одевал не торопясь. Куда торопиться-то теперь, когда уже приземлился? Правда, учитывая привычки «господина майора», он и не мешкал.

Бельё. Камуфляжные штаны. Китель. Всё – стандартное, абсолютно идентичное тому, что носят и все рядовые на борту линкора. Штатная экипировка. Которую предстоит носить отряду прикрытия. А затем и подразделению первичного обустройства, если пройдёт успешно (по мнению Комиссии из начальства) его разведка. И если будет отдан Приказ обустраивать Лагерь на поверхности. А затем – и строительство временных бараков для первых колонистов.

Оружие Джону полагалось только самое простое и лёгкое: универсальная винтовка-автомат, гранаты – газовые и осколочные, пистолет, парализатор, станнер, электрошокер, очки ночного видения, стандартный паёк и фляга с водой, (На тот

исключительно благоприятный случай, если б разведка оказалась безопасной, и к исходу смены дрон остался бы жив: тогда тело отправилось бы ожидать в том самом противоперегрузочном коконе-цилиндре, а в дело вступил бы дрон с мозгом сменщика: как раз капрала Шипперса. Противоперегрузочная капсула с его пока спящим аватаром, равно как и капсулы с аватарами двух других разведчиков – дублёров – мирно ждала в трюме модуля.) да много чего ещё из типового набора, положенного по Уставу и Инструкции. И что весило до двадцати килограмм, превращая собственно разведку отнюдь не в увеселительную прогулочку, как об этом любят писать в пресловутых рекламных брошюрах, и показывать в бодро-весёлых видеороликах маркетологи и вербовщики Армии и Флота.

Джон не делал попыток выторговать хотя бы для первого похода то или иное послабление, типа: «а можно, сэр, я хотя бы паёк и флягу оставлю? А то чувствую себя словно старинный водолаз со свинцовыми грузилами на поясе!»

Взять нужно всё, что положено. Собственно, это вполне логично: упрощённый вариант. Не будут же первые поселенцы-колонисты в самом деле таскать на себе *полный* набор пехотинца: сорок пять кило! А только вот именно – самое нужное, лёгкое, и простое!

Одевание и оснащение заняло ровно столько, сколько полагалось: четыре минуты сорок секунд.

Подойдя к выходному люку, Джон ткнул большим паль-

цем дрона (Тьфу ты – своим! Так и надо теперь действовать и мыслить: слиться с телом в одно целое! Так эффективней. И безопасней.) в клавишу двери-шторки. Дверь отъехала. Джон ещё помнил то время, когда двери откидывались на петлях: так и погиб от воруахов экипаж посадочного модуля «Тикондероги». Так что теперь все учёные. И без дверей-шторок – никуда!

В тамбуре посадочного модуля, конечно, тесно: он и рассчитан как раз на одно отделение бойцов. А для него одного – прямо раздолье! Гуляй – не хочу!..

Крышка выходного люка отъехала лишь после того, как надёжно закрылась бронированная внутренняя створка-шторка, и автомат выровнял давление с наружным. Тамбур осветили непривычно яркие после полумрака кабины лучи солнца. Джон поморгал: глаза, вроде, не слепит. Он вышел.

А что: очень даже себе симпатичная планета!

Еле ощутимый летний (Ну – так! Специально подбирали для начала тёплый тропический регион! Льды арктических регионов, как и экваториальные пустыни он будет проверять в последнюю очередь! А сейчас нужны лишь те области, где возможно размещение постоянных баз и поселений!) ветерок. Приятно овекает слегка пропотевшие (Разумеется, только от жары в кабине модуля!) тело и лицо. Лучики жёлтого (Привычного! А не какого-то там фиолетово-голубого или красного!) солнца пробиваются через перистые

облачка, и приятно нагревают те участки лица, что не скрыты под защитной каской и шторкой.

Тепло. Тихо. Стрекочут какие-то насекомые в нежно-зелёной мягкой травке, часть которой примял при посадке на обширную поляну, десятиметровый модуль.

Ух ты!.. Здесь есть и бабочки!

Джон отлично помнил, конечно, что всё то, что видит и ощущает он, видят и отслеживают по показаниям приборов и двадцать шесть дежурных операторов. Но это не помешало ему зайти по колено в густую и пахучую траву, глубоко вдохнуть воздух, наполненный такими родными, и всё-таки – чуть отличающимися от земных, запахами, задрать голову к небесам, и громко заорать:

– Ну здравствуй, Франческа! Привет тебе от жителей земли!

– Рядовой Риган. – в голосе майора всё-таки прорезалась чуть заметная усмешка, – Потрудитесь следовать Инструкции. Стандартная процедура.

– Да, сэр. Слушаюсь, сэр. – Джон тем не менее был доволен, что ему не помешали исполнить то, что полагалось уже не по Инструкции, а по Традиции первых разведчиков. Теперь он уже не спеша откинул крышку универсального Блока на предплечьи, и потыкал в открывшиеся клавиши. Блок зажужжал, затем запищал. Щёлкнул. Первым как всегда «порадовал» термометр: «Температура окружающего воздуха соответствует комфортным условиям». Ну правильно: Джон

и так чувствовал, что вокруг примерно двадцать любимого Цельсия. Затем сработал газоанализатор. В окошечке появилась надпись: «Опасных газов нет. Возможно дыхание без фильтров и спецприборов».

Ну, фильтры-то у Джона имелись: торчали глубоко в ноздрах. А при обнаружении какой-нибудь опасности нетрудно было извлечь из контейнера на поясе и дополнительные, и вставить дрону – Блин! Себе! – в ноздри.

А вот со спецприборами – посложнее. Они сейчас в ранце за спиной, и на доставание и одевание маски, присоединённой к резервуару с кислородом, уйдёт секунд двадцать. И хотя при необходимости он мог задерживать дыхание и на две минуты, Джон искренне надеялся, что до этого не дойдёт. Его задница всё ещё чужая, конечно, некую опасность, но он, сам не зная почему, был твёрдо уверен: она будет исходить не из воздуха, которым он сейчас дышит.

Следующим подал сигнал радиометр: «Безопасно. Радиационный фон ниже нормы на одиннадцать процентов». Магнитометр: «Никаких опасных полей». Термометр. Барометр. И ещё куча чертовски нужных приборов, которые земная наука смогла в результате пятисотлетней эволюции электронных и нанотехнологий, разместить в приборчике размером с футляр для очков.

Отлично. Хотя Джон знал и то, что всё это – просто очередное подтверждение (Банальная подстраховочка для бюрократов, составлявших Великие Инструкции!) того, что

уже давно передали с поверхности побывавшие здесь зонды и автоматы.

– Индивидуальный блок показывает, что всё чисто, сэр.

– Отлично. Приступайте. Направление движения – северо-северо-запад.

Джон двинулся вперёд, чувствуя как псевдоповерхность под ногами здесь, в зале управления, подстраивается под то, по чему ступает дрон там, внизу: что-то мягкое, скользкое, мокрое и чавкающее. Он глянул под ноги внимательней: точно! В низине лужайки скопилась вода: наверное, ночью шёл приличный дождь. Неплохо. Во-всяком случае, хотя бы пшеницу можно выращивать. Впрочем, это уже не его забота. Его забота – дойти до видневшегося в полумиле леса, и пройти сквозь него. В поисках обитателей. Желательно – потенциально опасных. Типа волков. Или медведей. А не каких-нибудь там зайцев, соловьёв и белок.

Дотопал за полчаса, поскольку раза три пришлось останавливаться по указаниям доктора Ваншайса, отвечающего за биологию: то цветок ему, понимаешь, сорви да затолкай в контейнер: «нет, не этот, а фиолетовый!», то – ягод зачерпни, да побольше!

Подлесок оказался почти как в лесах земли: кусты, покрытые какими-то густо-синими, жёлтыми, и оранжево-красными ягодами, с чертовски острыми и прочными (пришлось потрогать, чтоб лично убедиться!) колючками на стеблях. Стволы деревьев напоминали сосны: шершавые, тёмные. И

даже с северной стороны – влажные и покрытые чем-то вроде не то – мха, не то – лишайника. Прикольно. И мягко на ощупь. Под ногами – прелая хвоя и листья. Ладно: отобрать общие пробы – не его задача, а всех тех аппаратов, что уже отобрали все возможные пробы, и давно «озадачили» ими лабораторию Команды адаптации и акклиматизации.

А его задача – выявить в реале тактильные, обонятельные, визуальные и прочие ощущения, которые предстоит испытывать будущим колонистам. Но в первую очередь, конечно – скрытые угрозы. Которых пока не обнаружено. А ведь прошло уже сорок пять минут! Ого, как бежит время! Или это он так его воспринимает потому, что напрягся?..

Джон постарался снова продышаться и расслабиться. Вроде удалось: плечи опустились, мускулы рук перестали ощущаться стальными канатами – как после часа тренажёра, и ладонь перестала сама-собой тянуться к пистолету с разрывными...

Хватит рефлексировать. Нужно идти вглубь чащи. И работать.

Спустя почти километр и ещё полчаса он вышел к ручейку, протекавшему меж двух пологих холмов. Здесь и растительность была другая: лиственных деревьев стало больше, и хвоя под ногами почти не попадалось. Зато над цветочками небольшого лужка вились не пчёлки или бабочки, а – стрекозки. Ну, или тварюшки, очень на них похожие.

Внезапно Джона словно накрыло ощущение: опасность! Сзади!

Он не успел ничего подумать, (Рефлексы и инстинкты быстрее мысли!) а рука уже выхватила пистолет, и тело развернулось на сто восемьдесят!..

Ну и никого.

– Рядовой Риглон. Что у вас там такое? – а всё-таки чувствуется, что майор за него беспокоится. Вот и сейчас в его голосе сдерживаемое опасение. И волнение.

– Показалось, сэр. Тепловизор показывает, что, вроде, чисто. Никого, крупней насекомых.

– Надеюсь, вы не их испугались?

– Нет. Нет, сэр. Мне просто... Почему-то показалось, что сзади надвигается опасность. И я подумал, что лучше поверю своим инстинктам, и развернусь, пусть при этом и буду выглядеть идиотом. Нет сэр, я неправильно сказал. Про то, что я буду выглядеть идиотом, я, когда начал поворачиваться, и не думал. Думал только о том, как бы выстрелить первым! – Джон почуял, да и услышал, как вся дежурная смена диспетчерской переглядывается, похохатывая, а кое-кто даже проворчал: «почему – выглядеть?», «смотрите, какой ковбой у нас выискался!» Но его это не напрягало. А напрягало то, что опасность-то...

Вроде никуда и не делась!

– Так. – майор помолчал, – Раз опасности не выявлено, продолжайте движение.

– Есть, сэр.

Джон снова двинулся вперёд, чуть ли не силой заставив тело развернуться.

Но вдруг почувствовал укол в шею!

Рефлекторно вскинул ладонь и хлопнул что есть силы по загривку.

Когда аккуратно попробовал то, что оказалось под ладонью, достать, увидел свою кровь, и что-то вроде раздавленного в блин размером с монетку тельца насекомого. Размером, вероятно, примерно с муху. Но формой больше похожего на комара. Лучше рассмотреть не удалось: похоже, слишком сильно ударил.

Однако Джон всё равно открыл на поясе карман с тубиками-бюксами, и засунул в один из цилиндриков то, что осталось от маленького тельца. Крышку привычно завинтил. Сунул назад, в карман. Рапортовать это не мешало:

– Разрешите доложить, господин майор, сэр. Меня укусили в шею. В место между воротником и шлемом. – а то будто начальство не видало всё это через его собственные глаза, и камеры трёх дронов, прибывших вместе с ним на модуле, и сопровождавших его на протяжении всего пути: на высоте пяти, двадцати, и ста метров!

– Рядовой Риглон. Мы зафиксировали укус, но... Джон. Каковы ощущения? – всё-таки есть в майоре некие... Человеческие черты. Теперь в его голосе ощущается настоящее беспокойство. И озабоченность – нескрываемая. Да и пря-

тать врага в контейнер начальство не мешало разными вопросами и комментариями, дождавшись, пока Джон не закончит это дело. Но вот «ощущения»... Хм.

– Э-э... Было больно. Куда сильнее земного комара. Больше похоже, будто меня укусил не комар, а, скажем... Оса. Боюсь, как бы эта тварь не впрыснула мне какого яда.

– Понятно. Рядовой Риглон. Приказываю: ввести себе антидот номер один.

Джон вынул из набедренного кармашка теперь синий шприц с антидотом номер один. Прикусил губами зубы. Выдохнул носом, и воткнул иглу в бедро. Больно, блин... Ничуть не лучше, чем от сволоча-комара.

Автоматика сама вдавила поршень до упора. Джон, дёрнув щекой, извлёк иглу, и снова закрыл колпачком. Тоже вставил назад – в карман.

– Отлично. Приказываю продолжить разведку.

– Да, сэр. Есть продолжить разведку.

Ручей Джон просто перешёл вброд. Тот оказался мелким, но русло было чертовски скользким: из-за полёгших туда и покрывшихся какой-то слизью травинок луга. Сервомоторы псевдоповерхности протестующее визжали, подстраиваясь под старания тела дрона сохранить равновесие и не шлёпнуться пузом в метровое русло.

Однако когда Джон вышел на более-менее сухой участок почвы, даже сквозь траву он углядел на ботинке нечто стран-

ное. Он поднял повыше левую ногу. Чёрт. Точно!

– Вам видно, сэр?

– Видно. – и реплика в сторону, – Док! Что это?

Голос доктора Ваншайса, начальника биологического отдела, звучал в наушнике как всегда мягко и спокойно:

– Вероятней всего, какой-то местный вид подкласса герудообразных. Пардон: я хотел сказать, это – пиявка. Большая, и очень... активная. Замечательный образец!

Было слышно, как майор втянул носом воздух. Но голос звучал спокойно:

– Риглон. Потрудитесь засунуть... Пардон, – майор не мог не воспроизвести любимую присказку дока, – разместить этот... э-э... «замечательный образец» в новый бюкс.

Джон достал бюкс побольше, и, стараясь не касаться пальцами, спихнул крышечкой извивающуюся, и на совесть вцепившуюся в боковую часть подошвы у самых пальцев, пиявку, в цилиндр. Пиявке такое обращения явно не понравилось, и она чем-то плюнула в сторону его лица. Если б не великолепная реакция, и тренированные мышцы, Джон ни за что не увернулся бы! Поэтому во избежание, так сказать, повторных инцидентов поспешил завинтить крышечку. После чего обнаружил, что лицо и подмышки вспотели. Да и всё тело покрылось гусиной кожей. Он почувствовал озноб – как при лихорадке.

Да и вообще – что-то с его телом явно было не так!

Наверняка это заметили и операторы, и майор:

– Рядовой! Вас не задело? Как вы себя чувствуете?

– Нет, сэр, не задело. Эта штука промазала. Чувствую себя... вроде, нормально. – это была явная неправда, и Джон знал, что сейчас его опровергнут операторы, но почему-то не хотел выставлять напоказ свою слабость и боль. Доктор же пока никак не мог переключить внимание с чёртовой пивки на подопечного:

– Похоже, они приспособлены к жизни и охоте не только в воде, где, скорее всего, прячутся в ожидании добычи, но и к обитанию на суше. Отличное оружие!

– Понятно. Спасибо за разъяснения, доктор. Ну вот: пару полезных вещей мы уже узнали. Нельзя ходить без противомоскитной сетки, и нельзя купаться. Я думаю, что...

Что там думает майор, Джон не стал ждать, а перебил начальство, потому что терпеть уже было просто не вмоготу:

– Сэр! Наверное, чем скорее я скажу, тем будет лучше! У меня стали как бы... Неметь пальцы на ногах и руках, и ощущения, как при высокой температуре! Озноб! И голова... Начала болеть! А ещё я вижу какое-то странное – вроде как дрожание воздуха, по краям поля зрения, и иногда в глазах вообще – темнеет. А-а, вот ещё что! У меня металлический привкус во рту. Голова теперь... Начинает кружиться!

– Так. Плохо. Внимание, рядовой! Немедленно ввести себе универсальную номер один!

Всаживая в другое бедро шприц с универсальной вакциной, Джон уже не закусывал губы, (Не до этого!) а думал, что

они опоздали. Надо было сделать это сразу после укуса. В наушнике между тем шла оживлённая дискуссия:

– ... какого ...я?! Он ведь привит и вакцинирован от всего, чего только возможно! Ещё на борту! Почему же ничего не работает?!

– Почему ничего из обычного арсенала не работает, нам объяснит доктор Лаанмяе. Он у нас микробиолог, вирусолог, эпидемиолог и т. д. А сейчас лучше давайте думать, как помочь Джону. Тьфу ты – его дрону!

– Джон! – майор, плюнув на дискуссию, отбросил субординацию и Уставные обращения, обнаружив, что Джон – вернее, его дрон! – уже вынужден был шлёпнуться на пятую точку, а затем и лечь, – Что там у тебя?!

– Сильное головокружение, сэр... Ноги... Не держат! И дрожат. В глазах появились пятна... Нет: красные туманные как бы... полосы! Они закрывают поле зрения, и я просто не могу даже сидеть: всё кружится! И... Тошнит! – не договорив, Джон повернулся на бок, и его вывернуло буквально наизнанку! Что само по-себе было весьма странно: ведь дроны перед разведкой не едят. Да и вообще они не едят – их кормят внутривенно!

Так что отодвинувшись подальше от лужи желчи и слизи, Джон выдавил из себя:

– Стало совсем плохо, сэр! Зрение полностью пропало, в ушах звенит! И тело... Чешется и зудит! И очень болит голова...

Уже как бы со стороны он слышал переговоры в операторской:

– Что там с температурой?

– Тридцать девять и шесть, сэр! И быстро растёт!

– А давление?

– Полный коллапс, сэр! Упало до сорок три на восемнадцать!

– Сердце?!

– Восемнадцать ударов в минуту. Сейчас наступит полная остановка! Нужен адреналин! Или норадреналин! Прямо в сердце!

– Господин майор, сэр... Похоже, мы его теря...

Это было последнее, что Джон ещё смог разобрать и понять – в ушах грохотал двенадцатибалльный шторм, и ревели тысячи стартующих крейсеров! А перед глазами взрывались не то – праздничные фейерверки, не то – сверхмощные палладиевые фугасы... Тело ломало и выкручивало – словно опять ему дали девять «же» на центрифуге, избив перед этим в зале для занятий каратэ! Все нервные окончания отдавали в мозг дикой болью: словно под кожу вгоняют тысячи игл, или живьём сдирают с него эту самую кожу!.. Позвоночник скрючило в дугу, да так, что он чуть пятки затылком не достал – словно через него пропустили ток! Судороги?!.. В руках, ногах и животе заработали на медленных оборотах свёрла бурильного станка, и его снова выгнуло дугой – уже наружу! Потом...

Не было никакого «потом».

Что-то щёлкнуло, и он провалился в чёрную пучину небытия.

– Джон! Рядовой Риглон! Приказываю очнуться!

Ещё не полностью выплыв из пучины небытия, Джон подумал, что в чём-чём, а в юморе майору не откажешь. Правда, сил открыть глаза, да и вообще – хоть пальцем пошевелить, почему-то не было. Но вот голос майора обратился куда-то в сторону:

– Какого чёрта он отключился так быстро?

– Болевой порог, сэр. Вы же сами приказали сделать обратную связь повышенной на двадцать процентов! Чтобы получать данные быстрее. И чтоб они были полнее.

– А-а, ну да. Значит, это побочные эффекты этой самой усиленной обратной связи?

– Никак нет, сэр. То, что показали приборы – это боль. Реальная. Жуткая, наверное, и непереносимая – для любого живого существа. Если бы была какая-нибудь шкала для определения параметров боли, я бы сказал, он получил на десять баллов из десяти. Он должен был ощущать себя так, словно в подвалах гестапо. Или – в лапах святой Инквизиции. Причём – очень продвинутой. Знающей места расположения всех нервных узлов. Удивительно, как он вообще выжил. Похоже, очень сильный, волевой характер.

– Понятно. Так что – он в ближайшее время не очнётся?

– Ну почему же! Очнётся, конечно, – доктор явно отошёл или оглянулся на какие-то приборы, потому что поправился, – Собственно, он уже очнулся. Как бы. То есть – он может нас слышать, но вот тело... В ближайшие часы вряд ли сможет отреагировать. Анафилактический шок. Обратная сторона, если можно так выразиться, гиперчувствительности дрона-аватара, и совершенства наших технологий. «Полное преобразование», будь оно неладно. Я вот только одного не понимаю: почему не сработала автоматика отключения... Но он справился и сам. Ему нужно просто отлежаться. В покое.

– Ясно. Вы, двое! На каталку его – и в госпиталь. В отдельную палату. – Джон почувал, как сильные руки поднимают его безвольной тряпкой висящее тело, вынимают из обвеса, и куда-то перекладывают: на что-то жёсткое и холодное, – Доктор?

– Да, сэр?

– Не нужно ли ему ещё чего вкатить?

– Нет, сэр. Всё, что нужно для снятия стресса и расслабления организма я уже ввёл. Да тут всё написано: вон все его распечатки. Доктор Тэйлор разберётся.

То, что им будет заниматься лично доктор Джоди Тэйлор, признанная красавица медицинского отделения, да и всего крейсера, Джона даже не порадовало, хотя он, как и почти все остальные представители мужского пола на корабле, мечтал только об этом – как бы оказаться в мягких и заботливых ручках...

Сейчас же он мог думать только об одном: какое счастье, что больше нигде не болит. Но, может, со временем его эмоции по поводу доктора Тэйлор как-то...

Восстановятся?

Он подумает об этом. После отдыха. А то он так устал...

– Хорошо. Рядовой Риглон. – голос приблизился, словно майор нагнулся над ним, – Выражаю вам благодарность за проявленное терпение и мужество. От лица командования... И себя лично – приношу вам извинения за... э-э... Неприятные ощущения. Это я распорядился, чтоб ваш порог чувствительности повысили. Чтоб мы быстрее получали нужную информацию. Мы её получили. А вы получите – три дня полного покоя, денежную премию в размере двух окладов, и наряд на кухню. Это – за то, что долго терпели, и не рассказали сразу о появившихся необычных, и потом уже – болевых ощущениях!

Послышалось сердитое сопение, и майор куда-то повернулся:

– Везите.

Под задницей заскрипело, и её затрясло: похоже, у каталки не смазаны колёса. Но он не стал утруждать себя комментариями – сил не было не то, что на речь, а и на шевеление хотя бы пальцем! Может, ему действительно, нужен покой? И сон.

Поспать, что ли?..

Открыть глаза удалось только с третьей попытки.

Потолок реанимационной палаты порадовал девственной белизной. То, что это – именно он, Джону сказали смутные воспоминания, и матовые плафоны со встроенными видеокамерами наблюдения – такие он видел на крейсере только в реанимационной.

Камеры явно работали: в палату тут же вошла сестра. Круглое личико с весьма милостивыми чертами наклонилось над ним, поморгало, улыбнулось:

– Ну вот! Больной Риглон! Поздравляю. Сегодня вы выглядите гораздо лучше!

Он с трудом разлепил запекшиеся губы, которые сестра поспешила тут же смазать неизвестно откуда взявшимся тампоном с тёплой водой. Он попридержал рвущиеся с языка вопросы, и поспешил облизать божественно вкусную влагу. Сестра кивнула, и смазала ещё. А затем улыбнулась, и всунула ему в рот тоненькую прозрачную трубку:

– Тяните потихоньку! Горло должно привыкнуть.

Ого! «Горло должно привыкнуть!». Это что же получается – он несколько дней, что ли, не ел и не пил обычным способом, и его кормили... Внутривенными инъекциями?!

Но вот через минуту он смог разлепить действительно словно пересохшее горло:

– Сестра Митчел! – он прочёл её имя на бейджике, – Анна. Что вы делаете сегодня вечером? – он сам поразился, какой у него слабый и неразборчивый голос. Да и вообще: не

голос – а хрип какой-то!

Сестра не придумала ничего лучше, как откинуть со лба пушистые волосы, и весело рассмеяться на всю палату:

– Рядовой Риглон! Вот уж спасибо, рассмешили так рассмешили! Значит, хотя бы с «боевым духом» у нас всё в порядке! – и, изменившимся тоном, – Сегодня вечером я могу поставить вам, хорохорящийся вы кобелино, новую капельницу, – она кивнула на громоздкую конструкцию из хромированных трубок, мониторов и бутылок с жидкостью, нависавшую над изголовьем его ложа, – А ещё в ознаменование нашего более близкого знакомства я могу вставить вам отличный клистир!

Сестра пыталась выглядеть серьёзной и деловой, но от Джона не укрылись лукавые искорки в выразительных карих глазах. Он, любуясь, подумал, что ну её на фиг, доктора Тэйлор! И как это он раньше такую красотку... Да ещё с юмором!

Сестра, похоже, прочла по его глазам появившиеся у пациента неподобающие желания и мысли, и пресекла дальнейшие поползновения:

– Хватит облизываться, как кот, пялящийся на миску сметаны! Я – замужем!

Действительно, теперь Джон обратил внимание на колечко на пухленьком пальчике, не без умысла продемонстрированный ему золотой ободок. Ну – ясное дело! Как же такая обаяшечка останется одна в коллективе «хорохорящихся ко-

белей»! Но...

Всё равно жаль.

Теперь-то уж поневоле придётся переключиться – ха-ха! – на дока Джоди.

Доктор Тэйлор как раз вошла в комнату, привлечённая, похоже, звуками голоса сестры Митчел. Вот уж у кого «приклеено» настолько ледяное выражение сосредоточенной деловитости на лице, что так не смогла бы сыграть ни одна актриса! А вот походка...

Суперсекси!

Куда там моделям, или актрисам!..

Доктор Тэйлор вначале долго изучала мониторы, имевшиеся на трубчатой конструкции, и лишь затем, поджав пухлые чувственные губы, (Похоже, что-то там, в мониторах, её не слишком-то устроило!) соизволила посмотреть в глаза Джону.

Джон взгляд выдержал. Но от комментариев воздержался. Доктор умела произвести впечатление. И заставить попридержать при себе рвущиеся с языка комплименты и предложения. Поэтому все кадровые военные, да и штатские специалисты-учёные Крейсера предпочитали молча рассматривать её достоинства. Издали. И – преимущественно сзади. И уж тут даже самый придирчивый эстет оказался бы удовлетворён наблюдаемой картиной!

Нет, он конечно, знал, что она – чертовски красива...

Но одно дело – знать, или видеть издали, а другое – ко-

гда такая... Такая *женщина* склоняется над тобой, и от её пристального взгляда по всему телу невольно бегут мурашки... Вот уж – истинная дочь Евы. Что там бедный наивный Адам – такая совратит любого. У которого в штанах есть... Ох. Словом – то, что он сейчас впервые снова ощутил там, внизу. И которое, как ни странно, оказалось на месте!

– Рядовой Риглон. Полагаю, что раз вы уже пытались оказать знаки внимания сержанту Митчел, с вами всё в порядке. Ну, или, как показывают приборы – почти в порядке. Ощущаете слабость?

– Да... Сэр. – вовремя он вспомнил, что доктор – в чине лейтенанта. С другой стороны, ему было стыдно, что голос такой сиплый и трясущийся – словно у него отходняк с особого Курайского...

– Однако, разговаривать она не мешает?

– Нет, сэр. Не мешает.

– Отлично. В таком случае оставлю вас наедине.

Джону представилась возможность снова пронаблюдать спину доктора, туго обтянутую белым, и наверняка не без умысла коротеньким халатиком – на добрую ладонь повыше, чем положено по Уставу. (Невольно подумалось, что у неё *там* ничего нет! Даже лифчика! Да и зачем он такой... такой...) И только сейчас он заметил, что возле двери, в которую вышла, закрыв её за собой, доктор, стоит майор Гульерме Гонсалвиш, тоже пялящийся в эту самую спину, и переведший глаза на больного лишь после того, как щёлкнул за-

мок.

Как оказалось, майор прибыл даже со своим стулом, который он тут же подтащил к изголовью койки Джона, и присел, буркнув на попытки рядового привстать и отдать честь:

– Вольно! Приказываю лежать!

– Есть лежать, сэр. – Джон с облегчением откинулся на подушку, понимая, что действительно ослаб, да и голову ведёт, словно полчаса крутился в чёртовом «колесе для проверки вестибулярного»...

– Так. Сразу отвечаю на ваш естественный вопрос, рядовой. Это оказался возбудитель проказы. Наши учёные уже обозвали её Суперлепрус Франческуини, или как-то там ещё, но суть от этого не меняется. Не было такой вакцины у нас в арсенале. Да и кто бы мог предположить, что что-то похожее на ту болезнь, что мы успешно искоренили на земле ещё семьсот лет назад, найдётся здесь – на ненаселённой планете за пять тысяч световых лет! Словом, вакцина уже разработана. Благодаря вашему комару в бьюксе.

– А что с... дроном?

– С дроном? – майор откинулся на спинку, словно не ждал такого вопроса, – Хм-м... После того, как ваше сознание отключалось от этого бедолаги, (приношу, кстати, ещё раз извинения – уже за технические неполадки с автоматикой!) он помучился ещё пару минут. Агония была... Неприятна. – Джон подумал, что умеет же майор найти подходящее сухое и казённое определение к адским мукам бедолаги-дрона, но

промолчал, – После смерти труп покрылся язвами и синюшными пятнами. А через ещё минут десять – вообще расплылся и как бы... сгнил. Превратился в лужицу пузырящейся розово-синими пузырями плоти... Поэтому карантинная капсула, посланная за ним, отобрала образцы, забрала бюксы с собранными вами образцами, и сожгла останки дрона. Там, на этом месте, теперь дыра в почве в добрых полметра. Покрытая шлаком и пеплом.

Всё то, что вы успели отобрать, мы затем, уже на борту, простерилизовали три раза. Снаружи, естественно. А уж в исследовательских боксах *теперь* стоит усиленная защита!

Как работает карантинная капсула, огнемёты которой просто сняты с боевых эсминцев, Джон знал. Бр-р-р!

– Так вот. Вакцина, говорю, теперь есть, и хотя бы супер-лепра нам больше не страшна. – майор замолчал, но щека дёрнулась.

Джон уже понял, чего там недоговаривает майор:

– Так что, сэр? Клаус... Извините – капрал Шипперс... Тоже облажался?

Майор фыркнул:

– Вы поразительно догадливы, рядовой. Только это ещё очень мягко сказано. От чрезмерного усердия капрал так быстро крутил головой дрона, что не заметил маленькую ящерку на стволе дерева, (Должен признать: маскировка спины под кору у ящерки оказалась выше всяких похвал!) и не прошло и десяти минут после высадки на том самом луж-

ке, где от вашего дрона всё ещё чернеет выжженная яма, как его дрон отключился. Полностью.

Ящерка, разумеется, тоже оказалась плюющаяся. Нервно-парализующий яд. Типа кураре. Но – не кураре. На этот раз не помог даже Универсальный антидот, а не то, что – номер один.

Джон хорошо знал, что такое универсальный антидот. После его приёма (вернее – вкалывания) дрону приходилось полчаса просто лежать: ни на что другое уже ни возможностей, ни сил не оставалось! Вот такая уж реакция. Зато уничтожающая и нейтрализующая все известный в Галактике яды и токсины.

Да вот, оказывается, не все!

– На этот раз труп – тьфу ты! – останки дрона мы забрали. Яд изучается. Результатов пока – ноль. Доктор Тикендо, наш токсиколог, говорит, что такого нейротоксина он никогда прежде не видал. Радуетя как ребёнок. Однако вот что мне не понравилось. Он сказал, что ему лично кажется, что этот яд предназначен словно специально – против людей. И это очень странно. Потому что, как вы могли заметить, млекопитающих как класса здесь нет – только насекомые, пресмыкающиеся, да рыбы.

И ещё... Хозяева-носители этого чёртового токсина (Ну, в-смысле, животные, которые им обладают!) разумеется, сами нечувствительны к нему. А вот яд... Словно именно – адаптирован и заточен под нервную систему человека. Мож-

но подумать, что кто-то умный и циничный специально разрабатывал его. Прежде чем снабдить им этих милых крошек. Носителей. Оснастив тех иммунитетом. Поэтому очень жаль, что чёртову ящерицу капрал так и не поймал. Это упростило бы работу доктора Тикендо.

А ещё – эти разработчики токсина словно даже были знакомы с нашей системой антидотов. И смогли её... Как бы – обойти. Это не может не наводить на мысли...

Но все эти сведения пока неофициальны, и даже как улики могут рассматриваться – лишь как косвенные. Потому что, повторяю, пока поймать не удалось ни одного носителя. Чтоб уж наверняка выяснить, какими способами они, эти пока неизвестные нам разработчики, сделали их организмы нечувствительным к *такому* яду.

Джон сглотнул. Он уже отлично понимал, к чему ведёт майор. И точно:

– Третий дрон, высаженный нами на бескрайних просторах пампасов северного континента скончался через пять минут. Его «застрелила» плюющаяся змея! Поток яда оказался настолько силён, что брызги пробили на накомарнике самую плотную сетку. Естественно, того, что оказалось на коже лица, вполне хватило. Не повезло Саммерсу.

Пита Саммерса Джон знал – единственный парень в их взводе, больше думавший о работе, чем о «карьерном росте». И Джона никогда не подкалывал. Жаль его.

Глаза майора между тем буравили лицо Джона, словно бу-

ровой станок – сланцевые нефтеносные пески. Джон спросил:

– Сэр... Простите за дерзость – а что, другие континенты вы не пробовали... Обследовать?

– Нет. Они практически не представляют коммерческой ценности ни с точки зрения полезных ископаемых, ни с точки зрения сельхозугодий. – майор замолчал. Глаза, напоминая дула излучателя, продолжали внимательно вглядываться в лицо Джона. Тот уже предчувствовал, чем дело может кончиться для него. И точно. Майор поставил вопрос конкретно (Ну правильно! Чего ж ходить вокруг да около?!):

– Рядовой. Хотите стать капралом? И получить хорошую прибавку к зарплате? А затем – и к пенсии?

– Осмелюсь доложить... Звучит заманчиво, сэр. – Ещё бы! Он сразу сможет пересылать своим вдвое больше денег: матери – на лечение, и деду – на оплату квартиры... – Да сэр. Хочу. Но вначале позвольте спросить... Что всё-таки произошло с Шипперсом?

С самим Шипперсом, а не его дроном.

– Ну... Как бы это получше сформулировать... – майор подвёл глаза к потолку, но быстро вернул их обратно, – Он сильно переволновался по поводу краха своей Миссии. *Очень* сильно. И расстроился. Как сказал док Кирани, некоторое время его поведение будет неадекватным. Ну, пока не подействует соответствующая терапия. А то расстройство от неудачи и боль от яда оказались столь велики, что у капра-

ла... – майор покрутил кистью со сложенными, словно они обнимали дно миски, пальцами, у своей головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.